

И мнѣ дано отъ Алвареца право—
Смотрѣть какъ можно строго за тобою,
И ты женой Фернандо быть не мысли.
Эмиля А можетъ быть гаданья ваши ложны.

Донна-Марія: Повѣрь, тебя я не глупѣ,
потому

Что ужъ за третьимъ мужемъ: опытность
Разсудокъ замѣняетъ; знаю, какъ
Несчастливы супружества, когда
Мужъ и жена не равны состоянью.

Эмиля: Неужели умершіе мужья
Разсудку придають? [гѣ обѣднѣ!

Донна-Марія (будто не слыхавъ): Звонятъ
Эмиля: Звонятъ! (въ сторону) а онъ еще
все не приходитъ.

Донна-Марія: Взяла ли ты молитвенную
книжку?

Эмиля: Ахъ, позабыла! (беретъ со стола) о,
какъ долго: долго!..

(Фернандо входитъ Донна-Марія не видитъ его
и выходитъ въ дверь. Эмиля изъ-подъ мантили,
сѣдая за мачехой, роняетъ записку. Фернандо,
гладившій вслѣдъ за нею, подымаетъ.)

Фернандо (открываеъ):

«Я знаю, что батюшка слышалъ объ нашей
любви и о твоёмъ намѣреніи жениться на
мнѣ. Онъ тебѣ вѣрно станетъ говорить объ
этомъ. Ради Бога, не горячись съ нимъ;
иначе мы никогда не будемъ счастливы».

Ты много требуешь, Эмиля! (молчаніе).
Кто бы могъ подумать, что такой глупецъ,
Такой безчувственный... чудна природа..
А это милое небесное созданье—
Эмиля!.. нѣтъ, нѣтъ! она не дочь его.

Мнѣ скажутъ благодарности! благодарности!..
За что?—За то ль, что каждый день

Я чувствовать былъ долженъ, что рождень
Я въ низкомъ состоянн, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то ли, что помочь вседневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?..

За это благодарности отъ меня?
О лучше бы отъ голоду погибнуть,
Чѣмъ выносить такіа укоризны!..

И какъ онъ могъ узнать мои желанья! стран-
Но что нибудь—а даже для нея [но!..

Малѣйшей не стерплю опять обиды! полно!
Любовь возьметъ свое... но не теперь!..

(Алварецъ входитъ тихими шагами и садится
въ кресла).

Фернандо: Какой же гордый видъ, какъ будто
въ немъ

Соединились всѣ души предковъ! (Обраща-
ясь къ портретамъ).

О вы, вы образы людей, великихъ
Своею мудростью и силой,

Скажите мнѣ, ужели гніющія
Нѣмыхъ гробовъ безчувственные жертвы

Отнимутъ у меня мою Эмилю?..
Смѣшно!—я не могу себѣ представить,
Чтобъ мертвые имѣли предразсудки!..
Алварецъ: Фернандо, до меня доходятъ
слухи,

Что ищешь ты войти въ мое семейство!..
Безумецъ ты!—клянусь святою дѣвой!—
И мысль одна, мой милый, быть мнѣ за-
Должна казаться смертною обидой. [темъ,
Фернандо: Желательно, чтобы моя обида
Могла бы заплатить за ваши!..

Алварецъ. Мои обиды!.. слушай же, глуп-
ецъ,

Что я скажу тебѣ, да со вниманіемъ.
Фернандо (насмѣшливо): Какъ счастливъ
тотъ, кто можетъ, оказавъ
Добро одинъ разъ въ жизни человѣку,
Бранить его глупцомъ сто разъ—и каждый
день!

Алварецъ: Узнать ты долженъ наконецъ,
Кто ты... Доселѣ содержалъ я
Тебя почти совсѣмъ какъ бы родного;
Но съ этихъ поръ перемѣнилось все!
Я повторю тебѣ, какъ ты попалъ сюда:
Съ слугою однажды шелъ я изъ Бургоса
(Тогда еще я только-что женился);
Ужъ смерклося и сырой туманъ покрылъ
Вершины горъ. Иду черезъ кладбище,
Среди котораго стояла церковь—
Забитая, съ худыми окнами;
Мы слышимъ дѣтскій плачъ—и на крыль-
цѣ

Находимъ бѣднаго ребенка—то былъ ты;
Я взялъ тебя, принесъ домой—и воспиталъ.
(Насмѣшливо):

Но для чего тебя тамъ положили,
И кто родители твои—Богъ знаетъ!

А я такъ не хочу и знать; да, да!
Фернандо (пораженный, про себя): Такъ, такъ
совсѣмъ, совсѣмъ забытый сирота!..

Въ великомъ Божіемъ мірѣ ни одной
Ты не найдешь души себѣ родной!..

Питался я не материнской грудью
И не спалъ на ея колыняхъ. Чуждый го-

Училъ меня родному языку [лосъ
И пѣлъ надъ колыбелю моею. (Молчаніе).

(Ходить взадъ и впередъ, потомъ опять прихо-
дитъ въ спокойное положеніе).

Алварецъ: О чемъ печаленъ? точно вотъ
какъ было.

Возможно ли тебѣ теперь жениться
На дочери моей? Что послѣ скажутъ

Другіе благородные испанцы?..
Фернандо: Поговорить—и замолчать.

Алварецъ: Не замолчать; неслыхано у
насъ,

Чтобы на улицѣ найденный человѣкъ
Съ семействомъ очень древнимъ, благород-

Могъ облизиться. [нымъ
Фернандо: Сказать вамъ отчего?